

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

• СОДЕРЖАНИЕ •

Анна и Сергей Литвиновы
ПРОДАВЕЦ ВЕЧНОСТИ

7

Альбина Нури
ДВОЕ НА ДОРОГЕ

43

Татьяна Бочарова
ДЕЛО О ПРОПАВШИХ АМПУЛАХ

59

Татьяна Устинова
ТЯЖЕЛАЯ НОША

127

Галина Романова
СЕМЕЙНАЯ ЦЕННОСТЬ

136

Евгения Михайлова
ОБВИНЕННАЯ

178

Дарья Калинина
СЕМЬЯ НАПРОКАТ

206

Инна Бачинская
СОГЛЯДАТАЙ

279

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

• ПРОДАВЕЦ ВЕЧНОСТИ •

Когда в доме дочь-подросток — все время на пороховой бочке. Вот и сегодня жена доложила:

— От Валюхи табаком пахнет.

Савва уже засекал свою деточку с папироской. Матери тогда не сказал, взял слово, что больше не будет. Обманула, значит.

— И что с ней делать? — причитала супруга. — Я картинку рака легких в интернете нашла, показываю, а она мне: «Мать, у тебя самой — рак мозгов». Дверью хлопнула и умчалась.

Супруга, Леночка, если злилась, выглядела чертовски хорошенькой, Савва всегда умилялся. Он в нее и влюбился — когда пришел в поликлинику на укол, а совсем юная медсе-

стричка ругалась, что у него ягодица излишне напряженная.

Сейчас тоже обнял, шепнул в ушко:

— Да и пусть гуляет. Пойдем пока побесимся.

Но Леночка отпрянула:

— Вечно ты с сексом своим! Не до того!

— Что мешает?

Она взглянула словно на умалишенного:

— Не могу я! Когда дочь в пропасть летит. И денег в доме нет!

Умела жена нагнетать. Какая там пропасть — училась Валюшка прилично, по мужикам не шлялась. Да и с деньгами в семье не хуже, чем у других, недавно машинку посудомоечную купили. Но Леночка всегда недовольна. И никогда не забудет подчеркнуть, что она теперь в семье — главная кормилица.

Еще недавно ничто в жизни женушки не предвещало блестящей карьеры. Леночка тарбанила в роддоме простой медсестрой, получала прожиточный минимум, радовалась редким шоколадкам от пациентов. Но недавно перевели ее в синекуру — пеленать, выдавать детишек счастливым родителям. Пятьсот рублей за девочку, тысяча за мальчика, а иногда и по пятерке совали. Жена зазналась неимоверно. Раньше был для нее «самым умным» и даже «Бисмарком», а теперь — «Кому твоя жалкая наука нужна!».

Древнерусская история и впрямь кормила не щедро. Но раньше Ленка ценила: график свободный. Савва всегда может дочку из садика подхватить, на больничном с ней посидеть. Гордилась, когда в любой компании он побеждал в умном споре. Всем хвасталась, что муж придумывает удивительные авторские туры по родимой стране. Нынче все не так. Подавай ей Египет, олл инклюзив, автошколу, машину, а на его любимую отраду — книги — пылесборники! — деньги тратить нечего.

И сексуально привлекательны, видите ли, только успешные мужчины.

Но Савва Леночку любил и потому все ее закидоны терпел.

Вот и сейчас он покорно убрал руку с пышного, горячего бедра и пошел крутиться по хозяйству. Заварил для жены чаю, принес ей к телевизору плед. Спроворил ужин.

Дочь явилась в три минуты одиннадцатого. Леночка выразительно взглянула на часы и хмуро потребовала:

— Дыхни.

Хотя и так понятно: от одежды дочкиной тянет терпким одеколоном, а от нее самой, на весь коридор, — клубничной жвачкой.

— Ты понимаешь, дура, что кожа желтая будет? Зубы в коричневых пятнах? — завелась Леночка.

Но юная, цветущая дочь лишь презрительно хмыкнула и швырнула в лицо матери сумочку:

— Докажи сначала! Нет у меня никаких сигарет!

— А если найду? — улыбнулся Савва.

В наглом взгляде дочки на долю секунды промелькнуло смятение. Но тон остался вызывающим:

— Попробуй.

Он в сумку даже заглядывать не стал. От жены (та показывала на дочкину куртку) отмахнулся и внимательно посмотрел на Валечку:

— Слово даешь, что не куришь?

Она весело отозвалась:

— Конечно, папуля!

— Хорошо.

Савва сходил на кухню, принес из аптечки пульсоксиметр — жена недавно притащила с работы: контролировать, чтобы в дом ковид не прокрался. Велел:

— Давай палец.

— И что мне твоя прищепка?

— Не прищепка, а прибор нового поколения. Специально для тебя приобрел. Определяет даже малейшую концентрацию угарного газа. Куда эффективнее древней иммунохроматографии.

Блефовал откровенно, но дочка стушевалась, отдернула руку.

А Савва добил:

— И сигареты я знаю, где прячешь.

Он отодвинул упрямыцу, вышел в подъезд, вызвал лифт. Валька маячила сзади, кусала

губы. Отец дождался, пока подъедет кабина, зашел, сунул руку в полость между лифтовым пространством и потолком. Легко нашел в пыли пачку тоненьких, девчачьих, папиросок.

— Откуда ты узнал? — в ужасе спросила дочь.

Савва не стал объяснять, что сам когда-то там прятал. Усмехнулся:

— Дедуктивный метод. И, кстати: у нас в серванте джин к Новому году стоит. Я в курсе, что бутылка давно открыта и ее водой доливают. К празднику в лучшем случае вместо со-рока градусов десять останется.

Дочка сжалась. Супруга побагровела. Савва сказал:

— Не переживай. Нашу дочку все-таки не зря *Валентиной* зовут. Имя для самых крепких, здоровых и жизнестойких. Не будет Валюшка пить и курить, правда ведь?

Дочка, не веря в спасение, мышью проскользнула в свою комнату. Леночка с восхищением произнесла:

— Да, ты все-таки Бисмарк.

И немедленно добавила ложку дегтя:

— Но только если такой умный — почему такой бедный?

* * *

Леночка давно пыталась приспособить витавшего в облаках супруга к какому-нибудь денежному делу. От некоторых экспериментов

удавалось отбиться, в других участвовал. Но везде, где иные преуспевали, — даже почти что в «профильном» репетиторстве оболтусов, — терпел крах. Однако Леночка не теряла надежды.

И после вчерашней разборки с дочкой-подростком осенила супругу очередная идея:

— Будешь родителей новорожденных по поводу имен консультировать!

— Как ты себе это видишь? — перепугался Савва.

— Да очень просто! Выписку люди часа по два ждут, и кто там только не крутится — все бизнес вертят. Шары надувные в небо выпускают, фотографии делают, памперсами торгуют. А ты своим умом зарабатывай. Предлагай, как лучше назвать, чтоб ребенок счастливым вырос.

Отбиться не удалось, и следующим же утром Савва под присмотром супруги отправился в роддом, как на казнь. Леночка убежала в святилище, а новоиспеченный консультант остался в тесном холле, где отцы и прочие родственники ожидали выписки наследников.

Народ в основном сидел в телефонах, корабейников отгонял. Кому здесь нужны его советы да еще платные? Но он вспомнил укоряющее лицо жены, тяжело вздохнул и обратился к самой дружелюбной на вид, немолодой, но подтянутой даме:

— Э-ээ, добрый день! Скажите, у вас внук или внученька?

Та наградила уничижительным взглядом:

— Добить решил?

— Чего? — растерялся он.

— Из жизни бы вычеркнуть этот день! Бабкой сделали! И ты тут еще соль на рану!

— А я был бы рад, — пробормотал Савва.

— Сгинь. — Цыкнула женщина.

Может, отцы добрее?

Но первый же устроил допрос:

— Вы на каком основании консультируете?

— Я историк. Знаю значения имен. Святцы.

В чем-то на астрологию опираюсь.

— Лицензия у вас есть?

— Э... для моих услуг лицензия не нужна.

— А кассовый чек выдаете?

— Давайте я вас бесплатно проконсультирую. Вы как хотите ребенка назвать?

— Макс. Но полное имя не Максим, а Максимилиан.

— Означает «самый большой». С одной стороны, неплохо. Но сразу возникает коннотация с Робеспьером.

— С кем?

— Автор «Господства террора». Убийца сотен тысяч человек.

Распахнулись двери, с младенцем на руках явилась его Леночка и голосисто позвала:

— Копейкин!

Жадюга всколыхнулся, кинулся, протянул руки к свертку. Леночка ребенка не отдавала, улыбалась. Она произнесла со значением:

— У вас мальчик. Красавчик. Здоровенький.

— Тыщу плати! — хохотнул кто-то из очереди. — А лучше пять.

— Опять вымогательство! — побагровел папаша. — Что у вас за организация? Сплошная коррупция!

Леночка фыркнула и молча сунула ребенка Копейкину.

Женский голос из толпы укорил:

— Зря ты. Вековая традиция.

— Я по контракту уже все оплатил, — отрезал папаша.

— Дай хоть консультанту соточку, — снова высказалась та же дама.

— Ему не денег, а в шею надо! Гадостей мне наговорил! — окончательно взъярился Копейкин.

Савва подкатил к сердобольной женщине:

— Давайте вас проконсультирую. По поводу имени для ребеночка.

Женщина взглянула весело:

— А чего голос такой загробный?

Врать не стал:

— Неприятно к людям приставать.

— Так и не приставай!

— Деньги нужны.

Она авторитетно отрезала:

— Таким образом точно не заработаешь. По

— Историк. Специализация по Древней Руси.

Женщина хихикнула — обычная реакция обывателя — и спросила (в тысячный, наверное, раз у него интересовались):

— На хрена тебе это нужно?

Раньше он пытался рассказывать — про строгую красоту «Слова о законе и благодати» и сейчас почти детективный сюжет «Повести о Петре и Февронии Муромских». Но взглянул в глуповатые ярко-синие глаза женщины и промолчал.

Та посмотрела оценивающе:

— Интеллигент, значит. Костюмчик тебе, кстати, идет. А звать как?

— Савва.

Она развеселилась:

— Как ты сказал? Саван? Себе-то что такое имя дурацкое выбрал?

— Это родители выбирали. И оно не дурацкое. Означает старец или мудрец.

— Да, Савушка, с тобой не соскучишься. Хочешь, на работу к себе возьму? Двести косяк в месяц.

— А что делать?

— Вечность продавать.

— Не понял...

— Бизнес, конечно, грязный. И морально непросто. Но чтобы в штат попасть, люди по пять лет ждут. А тебя возьму вне конкурса. У нас чокнутых много. Вдруг тоже приживешься.

Когда муж больше года в параличе, уже не так и страшно, что помирает. А те, кто осуждают за жестокосердие, пусть попробуют сами дено и ношно, без помощников, тягать, переворачивать, подмывать, кормить через трубочку, впихивать таблетки и с ангельским ликом сносить вечно дурное расположение духа.

Супруг, честно сказать, и в здоровом состоянии был тот еще подарочек. Но семью кормил, подарки дарил, руку не поднимал, потому Марьяна терпела. И даже когда паралитиком стал, в благодарность за все хорошее старалась не тиранить. Почти. Но уж после того, как призвали, наконец, страдальца на вечный покой, перед собой лицемерить не стала. Закрыла покойному глаза — руки не дрожали. Передела кофту — ту, что муж в агонии обслонявил, сначала отнесла в стиралку, но потом передумала и швырнула в мусор. Подошла к зеркалу, легонько подкрасила глаза, положила на губы сдержанный блеск. Хватанула рюмочку за помин новопреставленной души и без всякой дрожи в голосе пошла звонить, сообщать экстренным службам о прискорбном событии. Ритуальщиков беспокоить не стала — говорят, стервятники на свежий труп сами слетаются. И хорошо. Пусть побольше понаедет — последних распоряжений супруг, в паралитической скуке, наоставлял немало.

Как и предупреждали знающие люди, первый похоронный агент явился через пятнадцать минут — задолго до «Скорой». Толстый, шумный, настойчивый дядька сразу начал совать под нос эксклюзивный договор, полный цикл услуг навязывать.

Марьяна охолонила:

— А вы мобильную связь в гроб предоставляете?

— Чего?

— Муж велел: чтобы обязательно встроенные динамики. Телефон с усиленной батареей. На двести часов, и заряд должна держать минимум год.

Бодряк хмыкнул:

— А на фига? Раз умер дома, значит, всяко вскрытие будет, там точно добьют. Не останется у него технической возможности позвонить.

— На фига — это не вам, а мне решать, — отрезала Марьяна. — И раз не можете оказать услугу, нечего тогда про полный цикл трепаться.

Но толстяка не прогнала — пусть остается, конкуренцию создает.

Очень быстро подтянулись и другие — мадам в черном бархатном пиджаке с алой гвоздикой в петлице, трепетный, тонкокостный дядечка с лицом школьного учителя, гламурный молодой человек с наглым взором и помадой на губах куда ярче, чем у нее. Марьяна всех

приветила, отвела в мужнин кабинет, велела вести себя тихо, ждать. Сама пока что встретила докторов, полицию, провела к смертному одру. Отвечала машинально на вопросы представителей власти и ломала голову: черное платье с длиной чуть выше колена — это траур или уже легкомыслие?

Ей всего пятьдесят четыре, она заслужила право немного побыть *веселой вдовой*. Как воздаяние за годы скучной семейной жизни, ангельского терпения и аскезы.

Когда спровадила докторов, полицейских и тело супруга (санитары выторговали тысячу рублей за дезодорацию и десять тысяч за макияж), отправилась в кабинет. Лица у агентов красные, вид взбудораженный — явно все это время ругались. Но драки вроде не устроили, мебель цела.

Но хотя друг другу конкуренты, цены снижать отказались тоже дружно. Да еще причитают: мол, нельзя, чтобы транспорт у одних, а ресторан — у вторых. Горланят в три глотки, каждый своим эксклюзивным договором размахивает. Только тихоня в костюмчике в общей склоке не участвует.

— Тогда конкурс устрою. — Решила Марьяна. — У кого из вас оркестр есть?

— У меня имеется! Духовой! — радостно отозвался толстяк.

— Боже! Какое дурновкусие! — закатил глаза рафинированный.

— Зачем вам этот пережиток прошлого? — укорила дама в бархатном пиджаке. — Похоронная музыка несовместима с православным отпеванием!

— Мне не духовой нужен, а чтобы скрипки, — вспомнила Марьяна. — Супруг какой-то «Эйр» хотел. Это Бах, что ли. Или Бетховен. Точно не помню.

Похоронщики примолкли, в недоумении уставились друг на друга. В наступившей тишине из дальнего угла гостиной донеслось:

— Бах. «Эйр», она же Сюита номер три. Исполняет струнный оркестр. Скрипки, альты, виолончели, контрабас. Лучше шестнадцать человек, но шестерых вполне хватит. Можно студентов консерватории позвать. И стараться будут, и возьмут недорого.

— А этого, как его... Альбиниони, — вспомнила Марьяна еще одну мужнину волю, — смогут?

— Для Альбиниони, конечно, идеален орган. Но есть прекрасные вариации, когда главную партию исполняет солистка. Или гобоист. — Без запинки отгарабанил культурный.

Прочие поглядели в его сторону с ненавистью.

— Цена вопроса? — спросила Марьяна.

— Студенты вечно голодные, — сдержанно, сообразно скорбному поводу, улыбнулся скромник. — Тысяч за пятнадцать сговоримся.

— А гроб с окошечком у тебя имеется в прайсе? — вспомнила еще одно пожелание супруга Марьяна.

— Откуда у него?! — Взорвалась дама в бархате. — Он из частной лавочки! Только ящики небось деревянные! А у нас — ассортимент. Связи! Государственная структура!

— И вообще, не видно, что ли: лопух! С таким тело будете с утра до обеда ждать! На кладбище уже к ночи приедете! — подхватил багровый толстяк.

Но Марьяна только усмехнулась:

— Баста, карапузики. Пусть лопух, зато стараться для меня будет.

Худосочные и неприспособленные к жизни не совсем в ее вкусе. Но после мужниных отекавших, вялых пальцев на артистичные кисти похоронного агента она смотрела почти с вождением.

* * *

В нищете супруг не оставил, и торговаться за каждую рюшечку на гробе Марьяна не собиралась. Но культурный (нет бы пользоваться моментом и впаривать самое дорогое из прайса) со смущением в голосе предложил:

— Мой служебный долг — развести вас на максимум, но я хотел предупредить: цены в прејскуранте завышены минимум втрое. Не связывайтесь с ритуальным агентством. Все

услуги возможно заказать самостоятельно. Автобус напрямую в транспортной компании, гроб — у производителя.

Марьяна взглянула внимательно:

— Твой-то интерес в чем? Хочешь от своего агентства слевачить? За комиссионные от гробопроизводителей?

— Нет, нет! — возмутился тот. — Я ничего ни от кого не получаю. Просто перед вами неудобно. Такое горе, мужа только что потеряли. А тут мы — на вашей беде наживаться.

— Тебе что до моей беды?

— Ну... вы такая красивая и беззащитная женщина, — смутился интеллигент, — не могу я на вас бизнес делать. Хоть и обязан.

— Да, — фыркнула она снисходительно, — ты бизнес вряд ли сделаешь. Кто тебя в агенты-то взял?

— Первый заказ. Испытательный срок.

Марьяна вырвала из его рук многостраничный прайс-лист, быстренько пролистала, наморщила нос:

— Хм. «Рытье могилы класса люкс, двадцать семь тысяч рублей» — это, конечно, сильно.

— Вот и я говорю, — подхватил он, — яму вырыть — это максимум тысяч пять. Требовать двадцать семь — подлый расчет на то, что вы от горя ничего соображать не будете.

— Не волнуйся. Я способность соображать не утратила, — заверила Марьяна. — Но по производителям бегать и копейки выгадывать

у меня времени нет. Так что доставай договор, или что там у тебя, будем выбирать. Давай начнем с гроба. Муж хотел, чтоб обязательно красного дерева и ручки бронзовые. Такой в преискуранте имеется?

* * *

Набрала в итоге всякого-разного по классу люкс на две странички.

Костюмчик — от масштабности заказа он выглядел совсем растерянным — подвел итог:

— Два миллиона восемьсот тридцать две тысячи. И... это ресторан еще пока не включен.

— Ясный перец, помины на сто персон где-то во столько же встанут! — хохотнула Марьяна.

— Я вынужден просить у вас авансом. — Закраснелся скромник. — Всю сумму.

— Ща.

Муж свою будущую кончину обсуждал со странным, мазохистским удовольствием, и уже давно велел Марьяне: запастись наличными загодя, ибо оплату по карте похоронные агенты вряд ли примут, а бегать по банкам, когда в доме смерть, не с руки. Сумма, что казалась новичку огромной, вдову совсем не смутила: всего-то три пачки по сто тысяч в каждой. Можно, для ровного счета, ещё пару венков заказать. Но принести деньги не успела. Шла

мимо своего будуара — и встала. Это что ж за дела?!

Марьяна прекрасно помнила: сразу после кончины мужа, еще до того, как в доме явился первый похоронный агент, она святилище свое заперла и ключ бросила в карман домашних, черно-траурных, брючек. А сейчас — дверь открыта. И замок, похоже, взломан — через него идет огромная, кривая царапина. Кто посмел? В квартире, конечно, много постороннего народа побывало — «Скорая», полицейские, санитары. Но она, хотя старательно изображала вдову в пространии, бдила зорко: чтоб из гостиной, где мертвое тело, никто не выходил. И в коридор (дверь туда оставалась открытой) постоянно поглядывала. Никого там не было, агенты склочничали в мужнином кабинете и оттуда не высовывались. Или она пропустила?

Ладно. Она вошла в спальню, отодвинула картину с Венерой Милосской, осмотрела сейф. Вроде заперт и цел. Достала ключ. Замок, заботливо смазанный ещё мужем, приятно щелкнул — и Марьяна в изумлении застыла перед открытой дверцей. В сейфе оказалось пусто. Ни денег, ни украшений золотых.

Вот, значит, как! Она вернулась к агенту-интеллекту, сухо спросила:

— Тебя как зовут?

— Савва. Савва Сторожевский.

— Скажи мне, Савва, вы когда в кабинете отношения выясняли, из него кто-то выходил?

Пауза. Он смутился.

— Ну? — нахмурилась Марьяна.

— Д-дама. Дама в костюме.

— Куда ходила?

— Сказала, что э-э... поправить прическу.

Мужчина встретил ее пронизывающий взгляд и поспешно добавил:

— Только я думаю, что она ходила не в туалет.

— Почему?

— Когда спор из-за клиента... из-за вас... начался... остальные двое от души за заказ боролись. А эта, хотя вроде и орала громче всех, заключать с вами договор не собиралась. Вообще.

Савва замолчал. Взглянул испуганно, исподлобья.

— С чего взял? Давай, не тяни! — поторопила Марьяна.

— Ну... мне сразу показалось, по всему поведению: она с другим резонем в вашу квартиру явилась. К двери несколько раз подходила, приоткрывала и в коридор выглядывала. А когда шум начался, — потупился он, — я так понял, в момент, когда тело вашего супруга покойного выносили, пробормотала про туалет и шныркнула прочь из комнаты.

— Вон почему я ее не видела! — в азарте вскричала Марьяна. — Сама тогда в подъезд выходила: санитаров до лифта проводить, супруга на прощанье облобызать. Она, видать, и проскочила!

— А что случилось?

Вдова в удивлении отметила: интеллигентская растерянность с похоронного агента разом слетела, лицо увлеченное, почти решительное.

— Деньги из сейфа пропали. Пять миллионов. И вся ювелирка.

— Та-ак. — Протянул он нараспев, будто заправский следователь. — Замок сломан?

— То-то и странно, что нет. Я ключом отперла. А вот дверь в комнату мою, похоже, вскрыли отмычкой или еще чем. Я в этом не разбираюсь.

— Позвольте взглянуть?

— Смотри.

Она пожала плечами, повела за собой. От великолепия ее будуара — с золотой лепниной на потолке, антикварной двуспальной кроватью на витиеватых ножках и искрящейся хрусталем люстрой — скромник Савва аж зажмурился, но быстро взял себя в руки. Осмотрев входную дверь, он констатировал:

— Замочек здесь символический. И отмычка, насколько понимаю, простейшая.

— Спасибо, утешил! — огрызнулась Марьяна.

— Но даже самый несложный сейф открыть гораздо сложнее.

Он подошел деловитой походкой, оглядел и уверенно заявил:

— Следов взлома нет. Здесь точно не отмычка. Использовали родной ключ. Ну, или его дубликат. Вы ничего не потеряли?

— Ну, мой — всегда при мне. — Продемонстрировала Марьяна.

— А дубликат? — взглянул он испытующе.

Вдова поморщилась:

— А про дубликат, мой милый Савва, я наверняка утверждать не могу. Однако могу тебе сообщить, что у мужа имеется дочка от первого брака. Очень ушлая, расчетливая особа. Он, слепец, ее агнцем считал, всячески в наш дом приваживал, хотя я и протестовала.

— Может быть, дама в бархатном пиджаке на нее чем-то похожа? — вкрадчиво спросил Савва.

— Да ни черта она не похожа. Но Люська сама бы и не стала мараться. А вот асоциальную личность на грязную работу нанять — для нее вообще не вопрос. Дама без принципов.

— Если женщина в бархатном пиджаке исполнитель, мы и на заказчика легко выйдем.

— Как?

— У меня имеются четыре фотографии предполагаемой воровки, — похвастался Савва. — Две профиль, две анфас. Сделал тайно. Можно пробить по соответствующим базам.

— Ты, что ли, детектив-любитель? — насмешливо взглянула Марьяна.

— Я историк. А в развитии событий — особенно в нашей стране — немало детективных загадок. Вот и поднаторел. У меня еще вот что есть, — он триумфально извлек из кармана и продемонстрировал целлофановый пакетик на застёжке. — Волос ее. Когда увидел, что странно себя ведет, с пола подобрал. На всякий случай. Как возможный образец ДНК.

— Да, Савва, ты крут! — похвалила вдова.

А дурачок — вместо того чтоб пользоваться моментом, цену себе набивать — беззащитно улыбнулся:

— Я не для крутости, а просто для собственного удовольствия за людьми наблюдаю. Но прежде пригодились только для мелочей всяких. Вычислить, например, где дочка сигареты прячет.

Из-за дочки Марьяна расстроилась, но вида не подала.

— Полицию вызывать я не буду.

Он опешил:

— Пять миллионов и золото преступникам отдать?!

А вдова снисходительно отозвалась:

— Не такой уж ты и внимательный. Я тебе что сказала? Дочка мужнина — та еще стервь. У меня давно подозрение имелось, что папаша ей ключ от моего сейфа вручил. Думаешь, я б в такой ситуации деньги там оставила?

— Но вы ж сами сказали! Было пять миллионов!

— Не миллионы, а бумага цветная. Специально заказывала фальшивки в хорошем качестве. А золото — копии и бижутерия. Пойдем со мной. Я тебе настоящий сейф покажу.

— Зачем? — покраснелся он. — Просто принесите деньги, я здесь подожду.

Но вдова жарко облизнула губы:

— Нет уж, Савва. Боюсь я теперь одна — раз в доме вор побывал. Пойдем. Будешь моей защитой.

Из будуара, через коридор, прошли в мужнину спальню. Когда-то очень кобелиная, обшитая дубовыми панелями комната давно превратилась в филиал комфортной больничной палаты. Бархатные портьеры сменили на эргономичные жалюзи, чучела совы, кабана и лисы — охотничьи трофеи супруга — обернули в пленку, массивный диван заменила ортопедическая кровать с пультом управления, кожаное кресло — инвалидная коляска.

Постель еще хранила контуры мужниного тела, терпко пахло нашатырем — когда благоверный начал кончаться, Марьяна честно пыталась привести его в чувство. Савва, явно непривычный к местам, где побывала смерть, заробел совсем уж очевидно — смех, а не похоронный агент. Чтоб разогнать торжественную и гнетущую атмосферу, вдова плюхнулась в инвалидное кресло, щелкнула кнопкой пульта, врубила *While my guitar gently weeps*,

— «Битлов» муженек любил.

— Встаньте, пожалуйста! — взмолился Савва.

— Почему?

— Плохая примета!

Она отмахнулась. Ловко подцепила ноготком панель, что покрывала подлокотник, объяснила:

— Ключ там лежит. Тот еще Гобсек был. Уже еле дышал, а богатства свои каждый день проверял. Поглядит на них — и будто сил прибавляется.

— Он же вроде парализованный был?

— Минимальная подвижность сохранялась. Руку мог приподнять, и два пальца работали, — поморщилась Марьяна. — Ими ключ и держал. А отпирала я, конечно.

Она всунула ладонь в узкое пространство, заворчала:

— Черт! Опять, видно, за обшивку завалился. Знаешь, какой однажды скандал устроил? И воровка я, и ограбила его. А ключик маленький, плоский, просто в щелку юркнул.

Марьяна продолжала безуспешно искать, Савва все больше хмурился. Наконец женщина с растерянным видом вытащила из полости руку и прошептала:

— Нету. Но как? Кто мог?

— Ваш муж, возможно, *перепрятал*?

— Э...